Л. В. Демченко.

ИДЕЯ ПРАВА

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ КАТЕГОРІЙ

ВОЗМОЖНОСТИ, НЕОБХОДИМОСТИ И ДОЛЖЕНСТВОВАНІЯ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1908.

КВ
1

Л. В. Демченко.

ИДЕЯ ПРАВА

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ КАТЕГОРІЙ

ВОЗМОЖНОСТИ, НЕОБХОДИМОСТИ И ДОЛЖЕНСТВОВАНІЯ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1908.

10к

БИБЛИОТЕКА
Коммунистической
АКАДЕМИИ
327
36

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Унив. Изв. за 1908 г.

Идея права съ точки зрѣнія категорій возможности, необходимости и долженствованія[1]).

„Зачѣмъ люди, называющіе себя учеными, посвящаютъ цѣлыя жизни на составленіе теорій, по которымъ выходило бы, что насиліе, совершаемое властью надъ народомъ, не есть насиліе, а какое-то особенное право?"

Гр. Л. Н. Толстой.

I.

Съ чувствомъ понятнаго волненія начинаю я свою вступительную лекцію здѣсь, въ этомъ залѣ, въ этомъ университетѣ, гдѣ я десять лѣтъ тому назадъ держалъ еще свой послѣдній экзаменъ, гдѣ слушалъ лекціи тѣхъ профессоровъ, изъ которыхъ однихъ уже нѣтъ среди насъ, другіе— присутствуютъ теперь въ числѣ слушателей, не переставая быть одновременно и моими учителями, и моими товарищами, и моими строгими критиками.

Вспоминая своихъ предшественниковъ по каѳедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права въ университетѣ Св. Владиміра, я съ гордостью думаю о нашей alma mater, такъ какъ могу назвать рядъ именъ выдающихся ученыхъ и блестящихъ преподавателей.

Если имѣть въ виду собственно энциклопедію права, то слѣдуетъ прежде всего упомянуть о старѣйшемъ профессорѣ, патрі-

---

[1]) Вступительная лекція, произнесенная въ актовомъ залѣ Императорскаго Университета Св. Владиміра 19-го сентября 1907 г.

архѣ русской энциклопедіи права, К. А. Неволинѣ, который отъ 1835 до 1843 г. преподавалъ этотъ предметъ въ Кіевскомъ университетѣ и составилъ замѣчательное для своего времени руководство, ту „Энциклопедію законовѣдѣнія“, какая являлась источникомъ для образованія нѣсколькихъ поколѣній нашихъ юристовъ и съ непревзойденной до сихъ поръ полнотой охватывала всѣ стороны предмета.

Въ извѣстномъ смыслѣ мы всѣ, юристы, должны признать себя учениками К. А Неволина. Но, конечно, болѣе молодые среди насъ лучше помнятъ и знаютъ Н. К. Ренненкампфа, только въ 1899 г. оставившаго ту каѳедру, вокругъ которой онъ умѣлъ собирать массы слушателей, съ увлеченіемъ слѣдившихъ за блестящимъ изложеніемъ талантливаго лектора. Въ свое время и мнѣ пришлось слушать лекціи Н. К. Ренненкампфа и воспоминаніе о нихъ до сихъ поръ живо въ моей памяти. „Юридическая энциклопедія“ Н. К. Ренненкампфа, первоначально изданная въ формѣ „Очерковъ“, выдержала нѣсколько изданій (послѣднее изданіе 1907 г.) и служитъ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ руководствъ до настоящаго времени.

Н. К. Ренненкампфа смѣнилъ князь Е. Н. Трубецкой. Мнѣ уже не пришлось быть его слушателемъ. Но на дняхъ появились въ печати его „Лекціи по энциклопедіи права“, и по этимъ лекціямъ до нѣкоторой степени можно судить объ изящной формѣ и серьезномъ содержаніи его преподаванія. Если имѣть въ виду рѣзкую противоположность ученій К. А. Неволина и Н. К. Ренненкампфа, то и о кн. Е. Н. Трубецкомъ можно сказать, что онъ остался вѣренъ старой традиціи представителей каѳедры энциклопедіи права въ Кіевѣ и внесъ въ свои лекціи пониманіе ученія о правѣ вполнѣ своеобразное, рѣшительно обособляющее его отъ его предшественниковъ.

II.

Избирая темой своей настоящей лекціи вопросъ объ „идеѣ права съ точки зрѣнія категоріи возможности, необходимости и долженствованія“, я хочу остаться вѣрнымъ указанной традиціи и, по примѣру своихъ предшественниковъ, хочу заговорить именно о томъ, о чемъ они не говорили и до извѣстной степени даже не могли говорить[1]). Я хочу обратить вниманіе на вопросъ о цѣнности

[1]) Напр., К. А. Неволинъ занимался энциклопедіей права въ то время, когда еще нѣкоторыя стороны поставленной темы и вовсе не затрогивались въ литературѣ.

права и думаю, что, хотя этимъ вопросомъ энциклопедія и даже философія права до настоящаго времени занимались очень мало, онъ не только заслуживаетъ вниманія, но и принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ проблемъ нашей науки въ ея современномъ состояніи [1]). Самый вопросъ съ большой силой и выразительностью формулируется гр. Л. Н. Толстымъ, когда онъ спрашиваетъ: „Зачѣмъ люди, называющіе себя учеными, посвящаютъ цѣлыя жизни на составленіе теорій, по которымъ выходило бы, что насиліе совершаемое властью надъ народомъ, не есть насиліе, а какое-то особенное право?“

У всѣхъ даже самыхъ цивилизованныхъ народовъ, во всѣхъ самыхъ свободныхъ и благоустроенныхъ государствахъ мы на каждомъ шагу сталкиваемся съ правовыми явленіями, рѣзко расходящимися съ нашими понятіями о правдѣ, о добрѣ, о справедливости. Каждому нетрудно вспомнить и привести примѣры подобныхъ явленій. Припоминается и мнѣ одинъ недавній случай.

Вблизи Берлина находится замѣчательная тюрьма новой конструкціи—это Strafgefängniss in Plötzensee. Тюрьма эта является однимъ изъ образцовыхъ заведеній, гдѣ отбываютъ наказаніе многія тысячи преступниковъ и притомъ отбываютъ его болѣе или менѣе „по послѣднему слову пенитенціарной науки“. Понятно поэтому, что и для меня, какъ юриста по спеціальности, посѣщеніе такой образцовой тюрьмы представляло значительный интересъ. И вотъ въ одинъ прекрасный день, заручившись разрѣшеніемъ прусскаго министерства юстиціи, я отправился осматривать образцовую тюрьму въ Плётцензее.

Расположенная среди полей и лѣса, эта тюрьма своими огромными и многочисленными зданіями напоминаетъ цѣлый городъ или большое фабричное поселеніе. Директоръ тюрьмы встрѣтилъ меня очень любезно и благосклонно, какъ гостя, который по достоинству можетъ оцѣнить всѣ, такъ сказать, прелести и усовершенствованія его заведенія. Съ истинно нѣмецкимъ радушіемъ и обстоятельностью мнѣ были показаны всѣ части, закоулки и учрежденія тюрьмы, вся система и весь порядокъ тюремной жизни. Видѣлъ я

---

[1]) Поэтому вслѣдъ за главой: „Что такое право?“ въ современныхъ энциклопедіяхъ права должна бы слѣдовать глава: „Въ чемъ значеніе права?“ Не слѣдовало бы ограничиваться разсмотрѣніемъ разныхъ теорій, признающихъ право, и вовсе оставлять безъ вниманія всю группу ученій, его отвергающихъ. Къ сожалѣнію именно въ этомъ отношеніи замѣчается общій и весьма существенный пробѣлъ.

и одиночныя камеры, и общія палаты; осматривалъ отопленіе и вентиляцію; посѣтилъ больницу и кухню, гдѣ попробовалъ арестантскій обѣдъ; прошелъ по обширнымъ мастерскимъ подневольнаго арестантскаго труда—и вездѣ видѣлъ, что тюрьма вся отъ чердака и до подвала дѣйствительно является образцовой и что все въ ней устроено согласно съ закономъ и „по послѣднему слову науки“, такъ что при видѣ такой тюрьмы сердце любого заправскаго тюрьмовѣда и криминалиста должно было бы испытать возвышенный восторгъ полнаго удовлетворенія.

Сознаюсь, такого удовлетворенія не доставлялъ мнѣ этотъ видъ усовершенствованной казни человѣческой. Что то было жалкое, и затхлое, и давящее, какъ кошмаръ, въ этомъ царствѣ тысячъ людей, обращенныхъ въ рабовъ.

Переходя изъ одного корпуса въ другой, мы подошли, наконецъ, къ громадному зданію такъ называемой тюрьмы для несовершеннолѣтнихъ. И вотъ въ одномъ изъ развѣтвленій этого зданія директоръ спросилъ меня:

„Не хотите ли, я вамъ покажу опаснаго конокрада?“

Это меня заинтересовало: что за опасный конокрадъ можетъ содержаться въ этой образцовой тюрьмѣ?—Пока одинъ изъ надзирателей тяжелымъ ключемъ открывалъ дверь камеры, я мысленно старался представить себѣ нѣмецкаго опаснаго конокрада. Но вотъ дверь открыта, мы входимъ въ камеру—и конокрадъ стоитъ передо мной: въ сѣрой арестантской курткѣ я вижу мальчика, совсѣмъ ребенка, бѣлоголоваго, голубоглазаго, который, вытянувши ручонки по-швамъ, тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ отвѣчаетъ на вопросы директора; на видъ ему нельзя дать болѣе семи лѣтъ; онъ находится въ томъ самомъ нѣжномъ возрастѣ, который требуетъ любви и попеченія, материнской ласки... И самый контрастъ молчаливой угрюмой тюрьмы и этого ребенка, безсердечно брошеннаго сюда—производятъ удручающее впечатлѣніе. Къ чему все это? Зачѣмъ?

Оказывается, что этому несчастному ребенку уже 13 лѣтъ и что онъ, по буквѣ закона, присужденъ на три мѣсяца заключенія въ образцовой тюрьмѣ въ Плётцензее. Законодатель далъ общую норму; судья примѣнилъ ее, подчиняясь слову закона; тюремщикъ обязанъ былъ исполнить приговоръ суда. Законодатель правъ, и судья правъ, и тюремщикъ правъ—fiat justitia, pereat mundus! И каждый изъ нихъ въ отдѣльности пожимаетъ плечами при видѣ этого ребенка, и каждый спрашиваетъ: къ чему, зачѣмъ это безсмысленное заключеніе?

Критикуя подобныя, такъ сказать, повседневныя явленія нашей жизни, переходя затѣмъ къ содержанію тѣхъ или другихъ законовъ, учрежденій и институтовъ права и находя ихъ несправедливыми, неразумными и жестокими, мы въ послѣднемъ итогѣ склонны доводить наши обобщенія до послѣдняго предѣла и отрицать уже не тѣ или другіе элементы содержанія правовыхъ нормъ, но самую идею права, какъ извѣстнаго внѣшне-обязательнаго порядка жизни людей въ обществѣ.

III.

Подобное отрицательное отношеніе къ праву или закону вообще въ исторіи человѣческой мысли можно отмѣтить уже въ глубокой древности, хотя причины и формы самого отрицанія представляются довольно разнообразными.

Софисты первые ясно заговорили противъ права во имя человѣческаго счастья и пользы, силы и свободы [1]). Протагоръ называетъ законъ тираномъ, принуждающимъ людей поступать противно природѣ, и отрицаетъ всякое значеніе за писанными законами. Еще дальше идутъ Ѳразимахъ и Калликлъ. Какъ могъ бы человѣкъ стать счастливымъ, еслибы онъ былъ рабомъ чего бы то ни было?—говоритъ Калликлъ въ діалогѣ „Горгій“. Въ томъ—продолжаетъ онъ—и состоитъ прекрасное, доброе и праведное, чтобы хотящій слѣдовать вѣрному пути въ жизни по возможности усиливалъ свои пожеланія и не обуздывалъ ихъ и чтобы онъ, когда эти пожеланія станутъ достаточно сильными, при помощи разума и мужества, могъ содѣйствовать ихъ исполненію. Но это-то и невозможно для большинства людей, а потому они порицаютъ такіе поступки, стараясь изъ стыда скрыть свое безсиліе и называя необузданность порокомъ. Они-то и дѣлаютъ лучшихъ по природѣ людей рабами и восхваляютъ благоразуміе и праведность, сами не будучи въ состояніи удовлетворять своимъ желаніямъ за отсутствіемъ мужества. Но что можетъ быть гнуснѣе и хуже для людей, способныхъ достигнуть могущества, какъ не такое благоразуміе и не такая праведность? Они могли бы наслаждаться всѣми благами, а между тѣмъ ставятъ надъ собой господиномъ изданный большинствомъ звконъ. Нѣтъ, по истинѣ вѣрно слѣдующее положеніе: въ наслажденіи, въ необузданности и въ независимости состоятъ добродѣтель и счастье. Все же прочее

---

[1]) Нижеприводимыя слова мыслителей древности не даютъ полной характеристики ихъ ученій, а только свидѣтельствуютъ объ извѣстной постановкѣ разсматриваемаго вопроса.

это—противное природѣ добродушіе, дѣло условнаго соглашенія, пустая болтовня, вещь, не имѣющая никакой цѣнности, никакого достоинства.

Также и Платонъ критикуетъ законы въ самой идеѣ ихъ—но, конечно, уже съ иной точки зрѣнія, нежели софисты.

Законъ—говоритъ Платонъ въ „Политикѣ"—хотя бы соединялъ въ себѣ со всею точностью все самое лучшее и самое праведное, никогда не въ состояніи предписать всѣмъ и каждому самое приличное, соотвѣтствующее, такъ какъ людской бытъ никогда не пребываетъ въ покоѣ и человѣческія отношенія непрестанно измѣняются и разнообразятся. Эти различія не допускаютъ того, чтобы какое-либо искусство могло установить нѣчто абсолютно-простое и пригодное для всего и во всякое время. Между тѣмъ законъ стремится именно къ тому, о чемъ хлопочетъ только упрямый и невѣжественный человѣкъ: чтобы не только никто не осмѣливался ничего дѣлать противъ его предписанія, но чтобы его предписанія даже не подвергались вопросу, если бы кому и пришло въ голову что-нибудь лучшее.

Если бы когда-либо родился—говоритъ одинъ аѳинянинъ въ „Законахъ"—человѣкъ, способный достигнуть полнаго знанія, онъ не нуждался бы въ руководствѣ владычествующихъ надъ нимъ законовъ, ибо нѣтъ закона и нѣтъ учрежденія, которые бы были превосходнѣе знанія; не согласно съ божіей правдою, чтобы истинный умъ былъ отъ чего-либо зависимъ, былъ рабомъ чего-либо, вмѣсто того, чтобы надъ всѣмъ господствовать.

Приведенныя выдержки свидѣтельствуютъ о глубокой древности теорій, подвергающихъ отрицанію самую идею права или закона.

Но наибольшаго распространенія, наибольшей разработанности и наибольшей стройности достигли эти теоріи въ настоящее время въ цѣломъ рядѣ анархическихъ ученій—сперва въ формѣ теологическаго анархизма, который проповѣдывали многіе сектанты среднихъ вѣковъ и новаго времени (богомилы, павликіане, меноніты, анабаптисты, квакеры) и самымъ извѣстнымъ представителемъ котораго теперь является гр. Л. Н. Толстой; затѣмъ—въ формѣ такъ называемаго индивидуалистическаго анархизма, лучшими выразителями котораго являются англичанинъ Вильямъ Годвинъ и нѣмецъ Максъ Штирнеръ. О Прудонѣ, Бакунинѣ, Кропоткинѣ и другихъ представителяхъ современнаго анархизма мы можемъ не упоминать, т. к. для нашей цѣли ихъ ученія безразличны: они отрицаютъ государство или собственность (вообще либо въ извѣстной только формѣ),

но признаютъ самую идею права какъ для настоящаго, такъ и для будущаго идеальнаго строя человѣческихъ отношеній; они критикуютъ содержаніе права, его учрежденій и институтовъ, но не отвергаютъ самый принципъ правового регулированія общественной жизни людей; они желаютъ нынѣ существующія конкретныя правовыя нормы отмѣнить, упразднить, уничтожить, но съ тѣмъ, чтобы создать новыя—тоже правовыя—нормы, хотя, съ ихъ точки зрѣнія, и болѣе совершенныя, болѣе отвѣчающія идеалу человѣческаго общенія. Ясно, что такая точка зрѣнія допускаетъ обсужденіе предполагаемыхъ преобразованій по существу, но не вызываетъ никакихъ споровъ, поскольку обѣ стороны признаютъ идею права вообще и эволюцію правовыхъ нормъ въ частности.

Напротивъ, намъ, юристамъ, серьезно приходится считаться именно съ той точкой зрѣнія (и только съ ней одной), которая совершенно отрицаетъ самый предметъ нашего изученія, отрицаетъ его не какъ исторически или эмпирически возможный фактъ, наблюдаемое явленіе, а какъ извѣстное человѣческое установленіе, не только вовсе не необходимое для людей, но и совершенно не долженствующее существовать по высокимъ требованіямъ чистаго идеализма или ничѣмъ не прикрашеннаго эвдемонизма. На идеалистической точкѣ зрѣнія стоитъ, какъ и Платонъ, гр. Л. Н. Толстой Поборниками эвдемонизма, звучащаго уже въ теоріяхъ софистовъ, являются Вильямъ Годвинъ и Максъ Штирнеръ.

IV.

Первоосновой жизни человѣческой гр. Л. Н. Толстой считаетъ любовь, которая лежитъ въ самомъ существѣ христіанской религіи. Эта любовь есть состояніе благоволенія ко всѣмъ людямъ, предполагающее отреченіе отъ всякихъ личныхъ благъ. Она хочетъ, чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы всѣ были счастливы; при ней всякому хочется того, чтобы самому сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда и всѣмъ было хорошо и радостно. Такая любовь, вытекаетъ не изъ чувства вѣры, а изъ знанія истины, которое достигается разумомъ. Всякое насиліе противно любви и потому должно быть осуждаемо. Насиліе порождаетъ только бѣдствія и содѣйствуетъ увеличенію того зла, которымъ проникута вся наша жизнь. Такъ какъ всякое право покоится на насиліи и всякая власть есть источникъ насилія, то въ идеальномъ обществѣ людей не должно быть ни права, ни власти. Быть можетъ, прежде грубость нравовъ и могла служить оправданіемъ для права. Но во всякомъ случаѣ теперь эти времена

прошли, нравы стали мягче, людей злыхъ и насильниковъ стало меньше.

Кто среди насъ—спрашиваетъ Толстой—злые люди? Если три, четыре вѣка тому назадъ, когда люди гордились своимъ военнымъ искусствомъ, вооруженіемъ, когда убивать людей считалось доблестью,—были такіе люди, то, вѣдь, теперь такихъ людей нѣтъ; а всѣ люди нашего времени не употребляютъ и не носятъ оружія, и всѣ, исповѣдуя правила человѣколюбія, состраданія къ ближнимъ, желаютъ того же, что и мы,—только возможности спокойной и мирной жизни. Такъ что теперь уже нѣтъ тѣхъ особенныхъ насильниковъ, отъ которыхъ власти и законы могли бы защищать насъ. Между тѣмъ мы знаемъ, какъ дѣлаются законы, мы всѣ были за кулисами, мы всѣ знаемъ, что законы суть произведенія корысти, обмана, борьбы партій,—что въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть истинной справедливости. Поэтому теперь уже мѣсто законовъ должна занять любовь и заповѣди Христа. Человѣческое общество должно быть построено на истинно христіанскихъ началахъ, при чемъ останется мѣсто только для духовнаго вліянія людей другъ на друга, т. е. для такого воздѣйствія, вслѣдствіе котораго измѣняются самыя желанія человѣка и совпадаютъ съ тѣмъ, что отъ него требуютъ. Общество будетъ подчиняться однимъ и тѣмъ же разумнымъ началамъ: одни—меньшинство—сознательно, вслѣдствіе ихъ согласія съ требованіями своего разума; другіе—большинство—безсознательно, только потому, что эти требованія стали общественнымъ мнѣніемъ. И въ этомъ подчиненіи не будетъ ничего неестественнаго и противорѣчиваго.

Въ противоположность гр. Толстому Вильямъ Годвинъ высшимъ закономъ жизни людей считаетъ общее благо. Истинно-мудрый человѣкъ стремится исключительно къ благу цѣлаго. Его не побуждаетъ къ этому ни честолюбіе, ни своекорыстіе, ни слава. Съ завистью онъ не знакомъ. Его безпокоитъ не сравненіе того, чего онъ достигъ, съ тѣмъ, чего достигли другіе, а сравненіе съ тѣмъ, что вообще должно быть достигнуто. Онъ чувствуетъ себя обязаннымъ стремиться къ общему благу; благо это—его единственная цѣль, и если оно осуществляется другими руками, то онъ не чувствуетъ себя обманутымъ. Всѣ люди являются для него сотрудниками и никто соперникомъ. Но законы и право противорѣчатъ общему благу. Законы крайне несовершенны, ибо люди не способны законодательствовать. Законодателемъ долженъ быть нашъ разумъ. А между тѣмъ до тѣхъ поръ, пока люди уловляются въ сѣти послушанія, и до тѣхъ поръ, пока они привыкли шагать по стопамъ дру-

гихъ,—разумъ ихъ и силы ихъ духа будутъ находиться въ дремотномъ состояніи. Чтобы поднять ихъ во весь ростъ, необходимо учить ихъ сознавать самихъ себя, никого не признавать за авторитетъ, ясно видѣть свои основные принципы и давать себѣ отчетъ о своемъ поведеніи. Вмѣсто права закономъ человѣка должно быть общее благо въ связи съ неограниченнымъ господствомъ разума. Нельзя говорить объ ограниченности нашей мудрости. Нѣтъ недостатка въ людяхъ, стоящихъ духовно на такой же высотѣ, какъ и право. Почему же говорить, что истины, которыя они могутъ намъ повѣдать, обладаютъ меньшей цѣнностью только въ виду того, что опираются на вѣсъ ихъ аргументовъ? И почему бы въ будущемъ обществѣ не призвать этихъ людей къ судебному разрѣшенію всякихъ дѣлъ на основаніи справедливости и свободнаго усмотрѣнія?

Общаго блага не признаетъ Максъ Штирнеръ, который выступаетъ проповѣдникомъ абсолютнаго эгоизма. Какое Мнѣ дѣло до того—спрашиваетъ Штирнеръ,—согласно ли съ христіанствомъ то, что Я мыслю и дѣлаю? Какое Мнѣ дѣло до того, является ли то, что Я думаю и дѣлаю, либеральнымъ, гуманнымъ или безчеловѣчнымъ, не либеральнымъ, не гуманнымъ? Если то, что Я мыслю и дѣлаю, представляетъ собою то, что Я желаю, если Я получаю отъ этого удовлетвореніе, тогда называйте это, какъ хотите: Мнѣ все равно. Я ничего не дѣлаю для Бога, Я ничего не дѣлаю для человѣка; то, что Я дѣлаю, Я дѣлаю для Себя. Тамъ, гдѣ міръ становится Мнѣ на пути, Я поглощаю его, чтобы утолить голодъ Моего эгоизма. Не признавая ничего священнаго, Я не признаю и права, ибо оно нисколько не содѣйствуетъ благу личности. Пусть человѣкъ имѣетъ сколько угодно правъ; какое Мнѣ дѣло до того, что онъ ихъ имѣетъ? Я ихъ не признаю. Всякое право Я вывожу изъ Себя; Я имѣю право на все, чѣмъ Я могу овладѣть. Долой все то, что не является всецѣло Моимъ дѣломъ! Не думайте, что Мое дѣло—доброе дѣло. Что добро и что зло? Ни то, ни другое не имѣетъ для меня смысла. Мое дѣло ни божественное, ни человѣческое, оно ни истинное, ни доброе, ни свободное, а только Мое. Оно не общее дѣло, а является единственнымъ, какъ и Я. Мнѣ нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ Себя. Съ другими людьми Я схожусь въ безправный союзъ эгоистовъ, когда Мнѣ нуженъ сочеловѣкъ, чтобы соединенными силами совершить больше того, что можетъ сдѣлать отдѣльная личность. Въ этомъ союзѣ каждый извлекаетъ для Себя пользу изъ другого, и всѣ расходятся, когда имъ болѣе нѣтъ выгоды быть союзниками.

V.

Оставляя въ сторонѣ ненужныя для насъ частности только что изложенныхъ теорій, мы видимъ, что общая сущность ихъ сводится собственно къ двумъ положеніямъ: во-первыхъ, къ своеобразной оцѣнкѣ личныхъ силъ и качествъ отдѣльнаго индивида и, во-вторыхъ, къ утвержденію такого идеала человѣческаго общежитія, при которомъ не будетъ ни власти, ни права, а только свободное общеніе людей, добровольно подчиняющихся началамъ либо любви, либо разума, либо такъ или иначе понимаемаго блага.

Личность или индивидъ, являющійся краеугольнымъ камнемъ въ теоріяхъ анархизма, не только у М. Штирнера или у В. Годвина, но и у гр. Л. Н. Толстого надѣляется такими качествами или свойствами, какихъ въ дѣйствительности ни у кого нѣтъ и никогда не было. Замѣтьте: намъ рисуютъ не личность будущаго, не идеальнаго сверхчеловѣка, не титана высшаго совершенства, словомъ, не ту мыслимую особь, не то божественное существо, въ которое—по фантазіи поэта—черезъ милліоны вѣковъ можетъ превратиться человѣкъ. Нѣтъ, будущее скрыто отъ нашихъ взоровъ, о немъ можно только говорить предположительно, въ него можно вѣрить или не вѣрить. Мнѣнія могутъ быть различными, представленія о возможномъ совершенствованіи личности—и именно какъ о самомъ направленіи этого совершенствованія, такъ и о возможныхъ его предѣлахъ—являются всецѣло плодомъ извѣстныхъ чаяній или упованій. Научно-философской основой теоретическихъ построеній они не служатъ, да и не могутъ служить.

Поэтому теоретики анархизма берутъ не личность идеальную, а современнаго намъ человѣка, со всѣми извѣстными его качествами и свойствами,—и думаютъ, что этотъ человѣкъ въ самомъ себѣ, въ своей физической и духовной природѣ, въ достигнутой уже имъ степени умственнаго и нравственнаго совершенства является вполнѣ способнымъ къ созданію аномистическихъ или спонтанистическихъ союзовъ; что уже теперь, сейчасъ, немедленно человѣкъ можетъ создать на землѣ Царство Божіе, или царство любви и разума, или царство чистаго эгоизма. А такъ какъ любовь и истина для всѣхъ одна, и эгоизмъ каждаго подобенъ эгоизму всѣхъ, то общность объединяющаго принципа вполнѣ можетъ замѣнить собою общность внѣшне-обязательныхъ нормъ права. Сожительство и сотрудничество людей окажутся возможными и безъ права потому, что закономъ для нихъ будутъ единыя начала, такъ сказать, заложенныя въ самомъ существѣ каждаго индивида.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ признается—и это никогда и никѣмъ не оспаривалось,—что понятія о добрѣ и злѣ разнообразны у разныхъ людей, что представленія о конкретныхъ проявленіяхъ любви спорны и часто неясны, что столкновенія интересовъ, вѣрованій, убѣжденій всегда возможны и неизбѣжны.

Такъ кто же или что будетъ тѣмъ верховнымъ, тѣмъ сувереннымъ примирителемъ или регуляторомъ, который введетъ личность въ сообщество съ другими людьми, умѣряя противорѣчія, споры, столкновенія или просто непониманія, недоразумѣнія, дѣлающія и самое совмѣстное существованіе немыслимымъ?

На этотъ вопросъ намъ отвѣчаютъ: „люди будутъ подчиняться заповѣдямъ христовымъ и христіански-разумному общественному мнѣнію“; или: „люди будутъ руководимы мудрецами, которые даже станутъ творить судъ среди нихъ“; или: „личные интересы и польза укажутъ людямъ въ каждомъ случаѣ ихъ соединенія въ союзъ, что имъ дѣлать и какъ поступать“.

Превосходно. Стало быть, намъ уже приходится покинуть почву исключительно индивидуалистическую. Начавъ съ автономнаго самоопредѣленія личности, мы приходимъ къ признанію необходимости нѣкоторыхъ внѣшнихъ нормъ или правилъ, имѣющихъ извѣстное значеніе („люди будутъ имъ подчиняться“) въ силу общихъ началъ любви, разума, пользы и т. п. Наше анархическое общество оказывается уже обществомъ, извѣстнымъ образомъ урегулированнымъ.

Вопросъ сводится теперь къ самому характеру этого урегулированія. Будетъ ли оно правовымъ, т. е. обязательнымъ, принудительнымъ, или неправовымъ, т. е. добровольнымъ? Насъ хотятъ увѣрить именно въ послѣднемъ. Но скептическое и критическое отношеніе къ самой идеѣ права не оправдывается ни съ точки зрѣнія чистаго эмпиризма, ни съ точки зрѣнія началъ, лежащихъ въ природѣ самого общества и въ этическихъ условіяхъ человѣческой жизни.

VI.

Эмпирическимъ путемъ возможно установить нѣкоторыя положенія, общія для жизни всѣхъ народовъ. Конечно, историческій опытъ и наблюденіе жизни народовъ—еще не доказательство, съ помощью котораго можно было бы серьезно возражать противъ самой идеи аномистическихъ соединеній людей. Но если бы гдѣ-нибудь и когда-нибудь мы нашли организованное не на началахъ пра-

ва сообщество людей, то это безспорно говорило бы въ пользу возможности осуществленія анархическихъ чаяній.

Поэтому историческій опытъ важенъ по своему, такъ сказать, отрицательному значенію.

И этотъ опытъ какъ нельзя болѣе краснорѣчивъ: нигдѣ и никогда никто не наблюдалъ и не знаетъ изолированнаго человѣка, живущаго въ естественномъ состояніи; гдѣ человѣкъ—тамъ и общество ему подобныхъ, гдѣ общество—тамъ и право [1]). Случайныя свидѣтельства путешественниковъ о людяхъ, живущихъ внѣ права или внѣ соціальныхъ связей, всегда оказывались ошибочными, такъ какъ даже въ ихъ изображеніи въ этихъ случаяхъ описываются урегулированныя семейныя и племенныя отношенія, формы брака и болѣе или менѣе патріархальной власти. Правовое регулированіе совмѣстной жизни людей можно наблюдать на всѣхъ стадіяхъ исторіи человѣчества, и даже поэтическія измышленія признаютъ его и считаются съ нимъ: у Гомера въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обвиняетъ циклоповъ въ отсутствіи у нихъ общественности и права, все же каждый отецъ семейства изображенъ повелѣвающимъ надъ своими дѣтьми и домочадцами.

„Повѣрьте мнѣ—говоритъ старая англійская пьеса—законы
нужны въ каждомъ государствѣ.
Города имѣютъ свои грамоты, королевства—законы.
И даже дикія разбойничьи шайки въ лѣсу
Сохраняютъ грубые слѣды гражданскаго порядка.
Съ тѣхъ поръ, какъ Адамъ прикрылся фиговымъ листомъ,
Человѣкъ никогда не соединялся съ человѣкомъ
Безъ связующаго закона“.

Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что эмпирически право является вовсе не возможнымъ только моментомъ существованія людей въ обществѣ, не возможнымъ только условіемъ, которое иногда наблюдается, а иногда и не наблюдается,—нѣтъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ эмпирически-необходимымъ соціальнымъ закономъ.

Но такой эмпиризмъ, разумѣется, насъ не удовлетворяетъ: мало-ли чего не существовало исторически въ продолженіе вѣковъ

---

[1]) Примѣры Штирнера (общество играющихъ дѣтей, компанія трактирныхъ пріятелей) и указанія на добровольныя соединенія людей въ общества въ предѣлахъ болѣе всеобщихъ принудительныхъ союзовъ ничего не доказываютъ: всѣ такія общенія суть только частности, частныя проявленія жизни человѣческаго общества, уже организованной на началахъ права.

и тысячелѣтій. Пришли новыя времена, и тѣ формы жизни, которыя нѣкогда считались священными и необходимыми, разложились, исчезли, вымерли, и даже понемногу изглаживаются изъ памяти людей. Не грозитъ ли эта же самая участь и самой идеѣ права?

Мы уже согласились, что вообще не можетъ быть и рѣчи о внѣшне неурегулированномъ сожительствѣ людей. Намъ остается показать, что только право, какъ совокупность внѣшне-обязательныхъ и принудительныхъ[1]) нормъ, пригодно исполнять всегда и вездѣ эти регулирующія функціи; что одно только добровольное регулированіе само по себѣ недостаточно для построенія человѣческаго общества; что общественное мнѣніе, нравы, приличія, польза и интересы людей сами по себѣ не въ состояніи быть *общимъ* закономъ регулированія человѣческихъ отношеній; что—хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ они пригодны и хотя вообще они прекрасно дополняютъ то, чего не касается и не можетъ касаться право,—только право, единственно право является универсальнымъ моментомъ *всякаго* мыслимаго сотрудничества людей.

Человѣческое общество слагается изъ лицъ, которыя или обладаютъ способностью самостоятельнаго самоопредѣленія и дѣятельности въ качествѣ полноправныхъ его членовъ, или же такой способностью не обладаютъ и признаются людьми недѣеспособными.

Правила, добровольно принятыя къ исполненію, годятся конечно въ той тѣсной сферѣ, гдѣ субъекты отношеній способны имѣть и проявлять свою волю—другими словами, гдѣ рѣчь идетъ объ установленіи отношеній между людьми дѣеспособными. Тѣ, кто не имѣетъ дѣеспособности, не обладаетъ свободой самоопредѣленія,—подлежатъ включенію въ человѣческое общество на совершенно особыхъ началахъ.—Какихъ?—Конечно, такихъ, о которыхъ никто не станетъ спрашивать самого недѣеспособнаго, и содержаніе которыхъ установится внѣ воли и безъ согласія самого заинтересованнаго субъекта отношеній. Это и будутъ регулирующія начала, обладающія типическими правовыми признаками.

Но и добровольное соединеніе полноправныхъ людей имѣетъ въ существѣ своемъ одну весьма важную особенность: оказывается, что добровольный союзъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ союзъ необходимый, такъ какъ внѣобщественное существованіе вообще немыслимо. Че-

---

[1]) Вопросъ о значеніи принужденія въ правѣ весьма спорный. Здѣсь не мѣсто останавливаться на немъ въ подробностяхъ, которыя составятъ предметъ нашего изученія въ дальнѣйшихъ лекціяхъ. Ср. *Г. В. Демченко.* Судебный прецедентъ, 1903 г.

ловѣкъ долженъ быть въ обществѣ ему подобныхъ; возможно, что онъ найдетъ средства установить по соглашенію извѣстный modus vivendi, но возможно, что этого достигнуть не удастся. Въ отвлеченномъ разсужденіи обѣ возможности равно допустимы и обѣ равно признаются теоретиками анархизма. Позволительно спросить: какъ совмѣстить идею свободнаго общенія съ невозможностью вовсе отказаться отъ вступленія въ какой бы то ни было союзъ? Свобода самоопредѣленія, очевидно, ограничивается въ виду требованія: ты свободенъ, договаривайся, а если не прійдешь къ соглашенію, то дѣло разрѣшится и безъ твоего согласія, такъ какъ вышвырнуть тебя изъ общества нельзя и обществу нельзя обойтись безъ внѣшняго урегулированія отношеній, въ немъ существующихъ и въ немъ возникающихъ!

Стало быть, всякое мыслимое первоначально аномистическое или спонтанистическое сообщество людей при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчиненнымъ дѣйствію правовыхъ нормъ. Если же правовыя нормы признаны необходимыми хотя въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ, то тѣмъ самымъ признана самая идея права и признана вообще наличность правового регулированія во всякомъ обществѣ: существуютъ нормы права и, стало быть, существуетъ нѣкоторый авторитетъ, нѣкоторая власть, создающая эти нормы. Авторитетно опредѣляемое содержаніе этихъ нормъ, конечно, имѣетъ общее значеніе и въ существѣ своемъ можетъ быть видоизмѣняемо до безконечности въ виду того, что нѣтъ права надъ правомъ, что одинъ только нравственный авторитетъ стоитъ выше правополагающей власти—все равно, принадлежитъ ли и сосредоточивается ли эта власть въ лицѣ одного, многихъ или всѣхъ членовъ человѣческаго сообщества.

Нерѣдко сравниваютъ право съ болѣзнью: въ болѣзни нѣтъ ничего хорошаго, ничего желательнаго, но — увы! — она необходимый спутникъ жизни человѣческой. Тоже говорятъ о правѣ: оно есть зло, но къ сожалѣнію необходимое зло человѣческаго общежитія. Когда студентъ обратился къ черту за совѣтомъ, какой ему избрать факультетъ, то, какъ извѣстно, заниматься наукой права тотъ ему не посовѣтовалъ. Повидимому, чертъ былъ немножко анархистомъ.

„Es erben sich Gesetz' und Rechte
Wie eine ew'ge Krankheit fort".

Стремясь къ идеалу, стоитъ ли заниматься тѣмъ, что терпимо только какъ зло и по возможности подлежитъ искорененію?

Думается намъ, что и въ этомъ смыслѣ отрицательное отношеніе къ самой идеѣ права неосновательно.

Мы должны помнить прежде всего, что всякое право мыслимо съ самымъ идеальнымъ содержаніемъ и что нѣтъ предѣловъ для возможнаго развитія и усовершенствованія этого содержанія. Очевидно, дѣло не въ содержаніи, а въ самой формѣ правовыхъ нормъ, въ формальномъ моментѣ правового регулированія. Но эта форма не отдѣлима отъ самой жизни человѣческаго общества. Только при этой формѣ мыслимъ союзъ людей, какъ разумныхъ существъ, общими усиліями достигающій общихъ цѣлей. Изолированный человѣкъ немыслимъ въ качествѣ существа разумнаго. Вся, такъ называемая, культура, всѣ знанія, науки и искусства, вся глубина этическаго міропониманія, возможность дальнѣйшаго нравственнаго и умственнаго совершенствованія человѣка — все это обусловлено именно сожительствомъ и сотрудничествомъ людей въ правовомъ союзѣ.

Поэтому для насъ идея права въ ея чистой формѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ идея должнаго, идея того, при осуществленіи чего человѣчество достигаетъ высочайшихъ цѣлей своего нравственнаго совершенствованія. Намъ, юристамъ, всегда необходимо помнить, что за сухимъ формализмомъ правовыхъ нормъ скрывается живая сила, съ которой нужно обращаться бережно и съ помощью которой можно многаго достигнуть въ безпредѣльномъ движеніи человѣчества на пути къ осуществленію идеала.

Кіевъ, 18 сентября 1907 г.

БИБЛИОТЕКА
Коммунистической
АКАДЕМИИ

Того-же автора:

Наказаніе по Литовскому Статуту въ его трехъ редакціяхъ (1529, 1566 и 1588 гг.). Кіевъ, 1894.

Уголовный судъ, какъ особая вѣтвь юстиціи. С.-Петербургъ, 1899.

Притомные люди и копная сторона. Къ вопросу объ устройствѣ вѣчевого суда. Варшава, 1899.

Судебный прецедентъ. Варшава, 1903.

Къ вопросу объ участіи земскихъ добрыхъ людей въ древнерусскихъ судахъ. Кіевъ, 1903.

Судъ и законъ въ уголовномъ правѣ. Варшава, 1903.

Неясность, неполнота и недостатокъ уголовнаго закона. С.-Петербургъ, 1904.